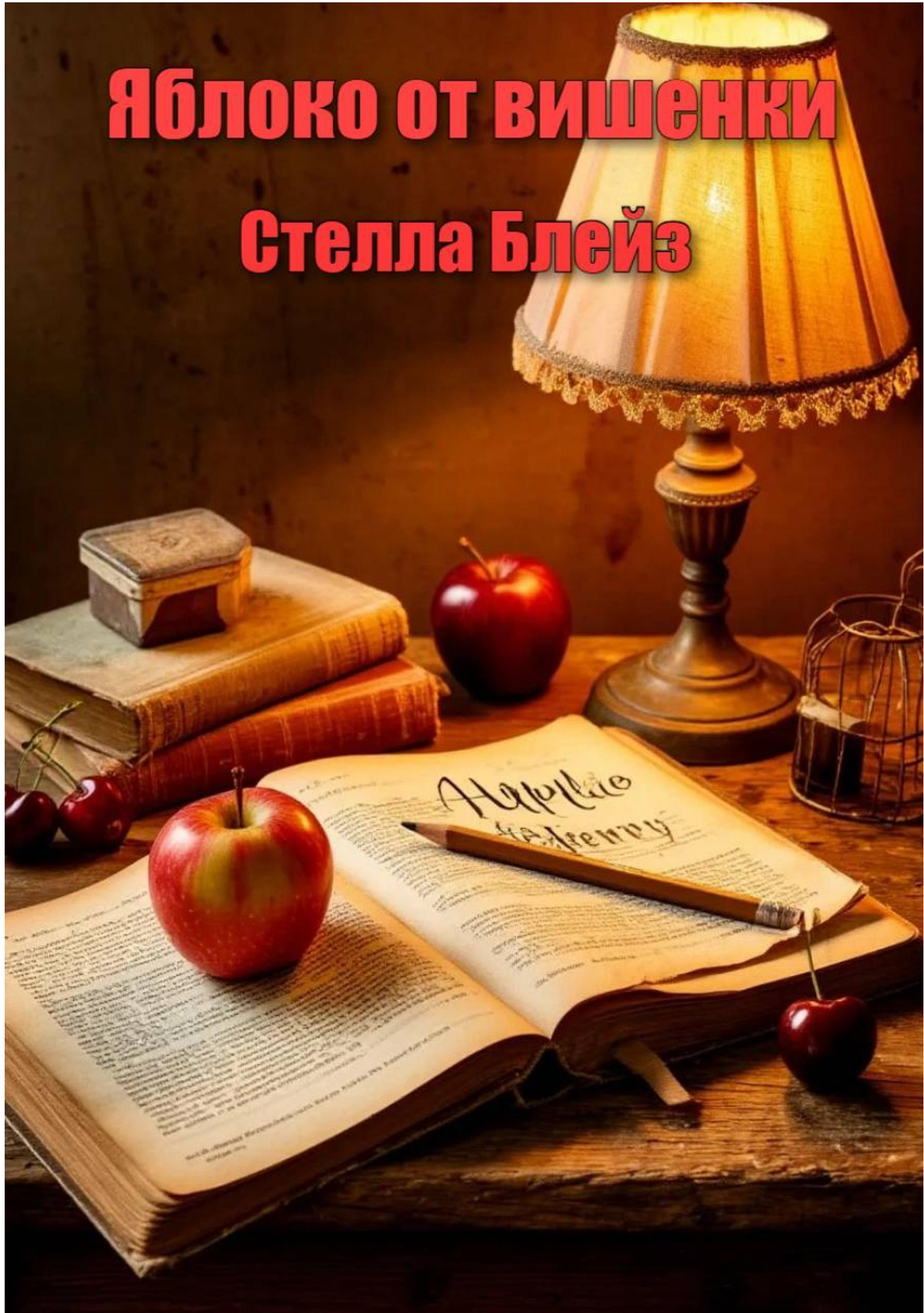

Яблоко от вишенки

Стелла Блейз

Стелла Блейз

Яблоко от вишенки

«Автор»

2026

Блейз С.

Яблоко от вишенки / С. Блейз — «Автор», 2026

Молодой филолог Арсений привык спасать людей словами: искать скрытый смысл в «Гамлете», будить в студентах читательский азарт, объяснять, что даже у Катарины из «Укрощения строптивой» есть право на голос. Но когда жизнь подкидывает ему уют, лопату и чёрно-белую реальность без красивых метафор, он вдруг понимает: дела важнее красивых слов. И что «рыцарский роман» в девяностые пишется не чернилами, а кормом, бинтами и бессонными ночами. А любовь? Она приходит тихо: в робком вилянии хвоста и в словах загадочной девушки «Приходи, мы будем рады».

© Блейз С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21

Стелла Блейз

Яблоко от вишенки

Глава 1

Глава 1

О любви, Шекспире и нерешительности

Трек: Чиж & Со «Вечная молодость»

Впервые я встретил это чудо в далеком девяносто седьмом. Где? Ни за что не догадаетесь – в доме престарелых. Хотя слово «волонтерство» тогда, по-моему, еще не вошло в повседневный обиход, я, как самый молодой преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, регулярно ездил в эту обитель скорби, нафталина и прогрессирующей деменции с гуманитарными миссиями.

Обычно было так: наша завкафедрой Нинель Аркадьевна вызывала меня к себе и со всем изяществом, присущим признанному эксперту поэзии Серебряного века, начинала издали:

– Арсений Сергеевич, голубчик! Скоро двадцать третье февраля, потом восьмое марта. Праздничная пора! Поэтому не откажите в услуге, поздравьте наших подшефных в пансионе ветеранов, – именно такой эвфемизм благородная нимфа с железным характером и дурманящим запахом *Magie Noire* выбирала для жуткого интерната на окраине.

– Снова эта честь выпадает мне? – привычно вздыхал я.

– Без сомнения, друг мой! – безапелляционно звучал ее голос. – Ваши юность и обаяние для страждущих, как глоток свежего воздуха. Берите группу ФЛ-11-1, первокурсницы не откажут. Объявите акцию «Помощь от сердца», соберите гостинцы, и в добрый путь. Амалия Красавина споет, Ариша Малькова почитает стихи. А вы... — она делала выразительную паузу, будто предлагала мне самому угадать свою роль.

– Станцевать? – ерничал я без особого энтузиазма.

– Нет, – губы завкафедрой сжимались в нитку, – просто проявить сознательность и ответственность, вспомнить о своей предстоящей защите и гражданском долге.

Она изящным жестом указывала в сторону двери:

— Идите, мы мысленно с вами!

– В воскресенье? Может, за отгул? – предпринимал я робкую попытку борьбы за собственные права, не сомневаясь в ее безнадежности.

– За отгул?! Нет! За бессмертие в анналах нашей кафедры!

Нинель с пафосом вздергивала подбородок:

– И за мою искреннюю благодарность!

В чем была трудность сей благородной миссии? Да в том, что на филфаке нашего заштатного пединститута учились девочки из простых рабочих семей. А время было такое, что их родители, в большинстве своем работавшие на градообразующем – как бы сейчас сказали – машиностроительном заводе, месяцами не получали зарплату. Собрать «гостинцы» было затруднительно, а идти с пустыми руками к брошенным старикам – выше человеческих сил. Вот так и получилось, что в суровом феврале голодного девяносто седьмого я пришел к первокурсницам, среди которых в том году не нашлось ни одного носителя Y-хромосомы, и, смущаясь и краснея, изложил проблему. Я стоял перед двадцатью парами внимательных девичьих глаз – единственный мужчина в обшарпанной аудитории, не считая гипсового Белинского в пыльном шкафу, – и чувствовал себя жутко неудобно, прося девчонок в застиранных блузочках и стоптанных туфлях скинуться на чай старикам. Я, если честно, сомневался в успехе благородной миссии.

Однако на следующий день были принесены дары волхвов, разнообразию и щедрости которых можно было только подивиться. Чай со слонем и мыло Dugu с синими полосками и химическим запахом, печенье «Юбилейное» в красной пачке и деревенское сало, завернутое в чистую тряпицу. Трехлитровая банка маринованных огурцов в мутноватом рассоле и темно-фиолетовые соленые грузди, клюква в сахаре и банка вареной сгущенки, домашнее малиновое варенье и связка журналов «Крестьянка» за прошедшие пять лет. Да, с таким богатством в девяностые не стыдно было показаться в самом приличном обществе.

Собственного автомобиля у меня, недавно назначенного ассистента кафедры русской и зарубежной литературы, естественно, не водилось. Можно было, конечно, попросить коллег подвезти нашу делегацию с щедрыми дарами. Но обращаться за помощью мне тогда, как, впрочем, и сейчас, было нестерпимо стыдно. Да и были ли на кафедре среди немногочисленных автолюбителей альтруисты, готовые к бескорыстной помощи в собственный выходной? Я лично сильно сомневался.

Навьюченный, словно мул, я, в сопровождении трех юных тургеневских барышень-первокурсниц, героически согласившихся посвятить воскресный день благому делу, едва влез в древний, пропитанный запахом бензина пазик. Девушки с клетчатыми пакетами, как у челноков, с гитарой и костюмами в чехлах притихли рядом, притулившись на рваном автобусном сиденье из коричневого дерматина. Нам предстояло выйти на конечной, там чуть пройти через парк – и вот оно, запущенное здание в стиле русского реализма раздражающего желто-канареечного цвета. Облупившаяся табличка на воротах «Дом-интернат для ветеранов войны и труда» так и висела, чуть покосившись влево – с моего прошлого визита, похоже, не изменилось ровным счетом ничего.

Тяжелая дверь натужно скрипнула, нехотя пропустив слишком юных гостей в обитель скорбной осени. Как всегда, в нос ударили малоприятные запахи: лекарств, нафталина, сбежавшего молока и вчерашних щей. Нас встретила Зоя Михайловна, неприятная дама предпенсионного возраста с жесткими от перманента ярко-рыжими волосами, старшая медсестра богоугодного заведения. Сунув любопытный нос в сумки с гостинцами, но не найдя там ничего достойного внимания, она проворчала:

– Какие им грузди? Чтоб диарея на завтра и давление скакнуло? А клюква? От кислого же у Петрова из третьей палаты изжога...

Потом она небрежно махнула в угол процедурной:

– Ложите там!

Я поморщился от ее лексики, а она сухо добавила, смерив моих нимф презрительным взглядом:

– И чтоб недолго со своими выкрутасами! У них скоро обед, а потом тихий час!

Мои барышни заметно приуныли. Их энтузиазм и мечты о служении высоким идеалам рушились под напором тяжелого взгляда Зои Михайловны, жуткого амбре богоугодного заведения и казенного равнодушия.

– Нам бы в актовый зал, – робко проблеял я.

– Какой еще зал? Ключ у завхоза, а он по воскресеньям здесь не появляется! Говорит, на даче снег расчистить надо, да проследить, чтоб бомжи чего не сперли. В рекреации свои танцульки показывайте!

Нас проводили на место. Через четверть часа на рассохшихся стульях, обитых потертым бордовым плюшем, расселись несчастные зрители – в большинстве своем прискорбно равнодушные к предстоящему шоу. Пока девчонки переодевались, я произнес стандартные слова о связи поколений, почитании старших, уважении к возрасту и былым заслугам. Но, честно говоря, не чувствовал ничего. Пустые глаза и отсутствующие взгляды ветеранов сбивали с толку. К счастью, одна смутно знакомая по прошлым визитам бабушка в аккуратном платочке с васильками пришла на выручку:

– Сенечка, внучек, до сих пор вспоминаю, как ты читал в прошлый раз Шекспира. Аж сердце колотилось!

– Никитична, так это не Сенечка и не Шекспир, а тахикардия твоя виновата, – усмехнулся лысый дедок с палочкой.

– Молчи, Кузьмич, сам-то из стихов только «муха села на варенье» знаешь! — махнула рукой бабуля.

А потом обратилась ко мне:

— Ну, Сень, как там? Что-то вроде про осень было и про любовь...

– Во дает, одной ногой в могиле, а все про любовь! – усмехнулся дедок и хитро подмигнул соседу в инвалидном кресле.

Их шуточные препирательства помогли мне прийти в себя. В этом размеренном мирке безразличных взглядов, духоты и безнадежной обреченности все же нашлось место и для нашего мини-концерта. Я вспомнил свой прошлый визит, когда читал любимый семьдесят третий сонет в переводе Пастернака, и вновь произнес мелодичные строки, намертво отпечатавшиеся на подкорке:

*«То время года видишь ты во мне,
Когда из листьев редко где какой,
Дрожа, желтеет в веток голизне,
А птичий свист везде сменил покой...»*

Старички притихли, кто-то зачарованный стихами, кто-то погруженный в свои мысли. А я уже подходил к финальной коде:

*«И, это видя, помни: нет цены
Свиданьям, дни которых сочтены».*

Публика замерла. Никитична сняла с белоснежных, не по-стариковски густых волос платок и вытерла уголком слезы, выступившие на мутноватых старческих глазах. Хохмач Кузьмич поиграл кустистыми седыми бровями и протянул:

– А Шекспир-то ничего мужик, с понятием...

И тут я вдруг услышал звонкие аплодисменты. Повернул голову и в дверях увидел ее – то самое чудо, которое с первых минут поразило мое возвращенное на классической литературе неопытное сердце, жаждущее чувств, неважно к кому. Молодая девчонка с толстой русой косой, закручивающейся в светлую баранку на конце, и трогательными ямочками на щеках стояла, придерживая сзади инвалидное кресло дедули без ног. Она хлопала, будто благодарный зритель на премьере именитой театральной труппы. И в ее взгляде было столько восхищения то ли Шекспиром, то ли мной, что я тут же отдал должное ее тонкому чувству прекрасного.

– Еще почитайте, пожалуйста! – мелодично произнес ангел и улыбнулся только мне, вновь заиграв ямочками и став еще ослепительнее.

– А что вам почитать? – растерялся я.

– Ваше любимое...

Я задумался.

– Мое любимое – «Аннабель Ли». Читать?

Она кивнула.

А я добавил:

— Кажется, Эдгар По написал это перед самой смертью...

Я читал строки классика только ей, забыв о моих несчастных седовласых слушателях:

*«Но любили мы больше, чем любят в любви,
Я и нежная Аннабель-Ли,
И, взирая на нас, серафимы небес
Той любви нам простить не могли...»*

Прочитав последние строки, я опустил глаза, зачарованный чистотой образа.

– Это что же, он вместе с этой Нюркой своей похоронен? – раздалось скрипучее, старческое.

– Какой Нюркой? Аней... – растерянно пробормотал кто-то.

– Аннабель, вообще-то... – поправил я.

А улыбчивая красавица смотрела на меня, и сердце пело.

Потом было все, как в тумане. Амалия, худенькая блондинка с меццо-сопрано, пела «Не уходи, побудь со мною». Старушки подпевали, а Кузьмич ворчал, постукивая палкой по паркету с выпавшими кое-где дощечками:

– Затянули шарманку! Давай лучше нашу!

– Какую? – не поняла девушка.

– «Смело мы в бой пойдем»!

Амалия, ни капли не смутившись, подхватила марш, и меццо-сопрано обрело стальные нотки. Кузьмич фальшиво выводил дребезжащим басом:

– И как один умрем в борьбе за это!

Потом Ариша, любимица нашей Нинель, распевно читала Гумилева:

– *Послушай: далеко, далеко, на озере Чад*

Изысканный бродит жираф...

А третья девочка, веселая толстушка Маргарита Авалиани, которую я с трудом узнал в национальном костюме, исполнила грузинский танец.

– Эх, огонь-девка, – мечтательно протянул дедок с костылями, сидевший в первом ряду, – сбросить бы лет шестьдесят...

А я все ловил взгляд моего ангела, ее добрую улыбку, и душа моя пела вместе с девчонками.

После импровизированного концерта Кузьмич жестом подозвал меня и заговорщицки прошептал на ухо, обдав запахом чеснока:

– Понравилась?

– Кто? – не понял я.

– Ну, Маруся наша! – задорно подмигнул он. – Да ты не робей, я хоть и со склерозом, но молодость еще помню, сам Никитичну у подъезда зажимал. Я только с войны тогда пришел...

– А кто она?

– Ангел, – подтвердил мои наблюдения дедок, – приходит сюда, помогает нам. Массаж сделает, книгу почитает, постель перестелит. Пролежни, опять же, обработает. Не брезгливая!

Как я хотел подойти к ней, этой улыбчивой красавице с ласковым именем. Заглянуть в ее лучистые глаза, услышать звонкий голос и искренний смех, потрогать кончик пушистой косы и полюбоваться ямочками на щеках. Но Маруся исчезла в бесконечных коридорах обители скорби. А я струсил. Не догнал, не договорился о встрече, не расспросил персонал, где ее можно найти. Вместо этого лишь поблагодарил Зою Михайловну за сотрудничество и выслушал ее недовольное:

– Макулатуру-то в следующий раз не тащите! Ишь, журналы приперли! Кто их читает-то? На растопку только и годятся...

Мы с барышнями поспешно собрались и молча отправились к остановке автобуса.

А ангел мне снился. Почти каждую ночь.

Глава 2

Глава 2

О носках, стихах и Окуджаве

Трек: Сплин «Романс»

В следующий раз Нинель Аркадьевна вызвала меня к себе в конце апреля.

– Арсений Сергеевич, дружок! Как там ваша диссертация? – зашла она с козырей. – Заявленная тема ведь «Автобиографический миф и стратегии самопрезентации в творчестве Джека Лондона (на материалах романа «Мартин Иден» и публицистики)», если не ошибаюсь?

Нинель в свои шестьдесят с хвостиком на память явно не жаловалась, поэтому мне оставалось лишь согласно кивнуть.

– Голубчик, Джек Лондон, писатель-социалист, – несколько спорный выбор в наше мятущееся время, – назидательно проворковала она.

– Вы уже говорили мне об этом, но мы сошлись, что... – разволновался я. Не то чтобы работа была почти готова, просто я любил Лондона, и кое-какие свежие мысли по его творчеству меня время от времени посещали.

– Да я же не против, Арсений Сергеевич, романтика странствий, благородство и максимализм – вполне в вашем духе. Конструирование образа автора в глазах публики и его анализ – это глубоко и не избито, — с пафосом вещала она, будто я все еще студент на ее лекции.

Я поежился будто от нее повеяло холодом.

— Пора защищаться! - она наклонилась ко мне, обдав тошнотворно густым запахом неизменной Magie Noire.

– Я пока не готов, – пролепетал я нерешительно, чувствуя сердцебиение где-то в горле.

– Понимаю: волнение, стремление к выверенным деталям, к недостижимому идеалу... – завкафедрой нетерпеливо постучала по полированному столу ухоженной рукой с кроваво-красным маникюром. – Давайте я подключу административный ресурс, вам помогут.

– Я сам, Нинель Аркадьевна, что вы! — испуганно заверещал я.

– Но если нужно, обращайтесь, голубчик. И еще ... – она вскинула взгляд, сделав театральную паузу. – Близится святой праздник со слезами на глазах. Подшефные вас ждут! – Нинель натянуто улыбнулась, сверкнув золотыми коронками.

– Хорошо. Гостинцы соберем, программу организуем! – я старался звучать не слишком восторженно, но завкафедрой все же посмотрела на меня, как на умалишенного.

– Идите и творите, дружок, кафедра вас не забудет! – напутственно кивнула она и указала на дверь царственным жестом.

А дальше все закрутилось и пошло по уже накатанному пути. Снова сбор даров всех мастей: в этот раз Бог послал пряники и полотняный мешочек с тыквенными семечками, леденцы монпансье в жестяной коробке и банку грушевого компота, халву в промасленном пергаменте и шерстяные носки, засахаренный мед и пару томиков любовных романов. Вот только с нимфами вышла накладка: Амалия лежала дома с температурой (заражать старичков не хотелось), Марго уехала домой на свадьбу старшей сестры, и в строю оставалась только Ариша с влажными глазами олененка Бемби и неизменным Гумилевым. Негусто! Хорошо хоть двоих близнецов со второго курса – Алексея и Алису, победителей институтского турнира по бальным танцам, Нинель командировала мне на подмогу. Алексей, щупленький брюнет с невзрачным мышинным личиком и бегающими глазками, пришелся очень кстати. Он помог мне с баулами, и я поблагодарил судьбу, что даже в нашем женском филологическом царстве все же встречаются юноши, влюбленные в изящную словесность.

В одной из клетчатых сумок лежал подарок лично от меня – томик стихов Эдгара По. Там были «Ворон», «Эльдорадо» и, конечно, «Аннабель Ли» в переводе Бальмонта – все для светлого ангела с русой косой, для моей Маруси.

Снова автобус тарыхтел, подскакивая на ухабах. Снова делегация шла по дорожке наискосок через парк. Нежно пахло весной и смолистой свежестью молоденьких тополиных почек. И в груди у меня тоже что-то просыпалось — весна, смутная надежда и радостные предчувствия.

Почти ставший родным канареечно-желтый казенный дом с покосившейся табличкой. Скрипучая дверь, протертый линолеум в коридоре и запах из столовой: горелое масло и дешевая рыба. Зоя Михайловна с выжженными многолетней химией волосами и перламутровой помадой, забившейся в уголки губ, растянутых в неприятном оскале. Снова душная рекреация с серым тюлем на давно немытых окнах. В первом ряду – Кузьмич с блестящей лысиной и медалями на лацкане пиджака и его дружок, тоже фронтовик, в инвалидном кресле.

Я обвел зрителей взглядом, но героиню моего романа, девушку с русой косой, не увидел. Придет позже?

– Сень, потерял кого-то? – усмехнулся Кузьмич.

– Никитичны что-то не вижу, – смущенно пробормотал я, стараясь не смотреть на дедка. Тот хитро прищурился, явно забавляясь моей неловкостью:

– А я-то думал...

А потом тихонько добавил:

— А у Никитичны давление скакнуло, в комнате она, голова кружится. Кланяться тебе велела!

Я вышел на импровизированную сцену. Стариковские глаза, прозрачные, как весеннее небо, покрытые патиной времени, устремились на меня. Они были такими разными: внимательными и потухшими, уставшими и лучистыми, но все – пронизательными, видящими меня насквозь.

Я поздравил с наступающим Днем Победы и вдруг оцепенел: а что читать сегодня? Я со своей незаконченной диссертацией по Джеку Лондону, любовью к По и планами семинаров по зарубежке, помнил наизусть только самые банальные строки о войне.

– *Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...* – начал я и запнулся.

Но сосед Кузьмича, седой дедок с орденской планкой, с гордым достоинством восседающий в старой инвалидной коляске, спас:

– Сынок, ну ее, войну эту проклятую! Даже вспоминать гадину неохота! Почитай лучше те, свои... про Аньку и про любовь. Красиво больно, а красота нынче в дефиците.

– Не, ну ты глянь, из него песок сыпется, а он все про баб. Ваню, ты хоть помнишь, че с ними делают-то? – Кузьмич весело хлопнул товарища по плечу.

– Помню, полковник, любят...

Зал притих, и задорный Кузьмич, оказавшийся целым полковником, крикнул и опустил внезапно повлажневшие глаза.

А я, будто продолжая разговор двух друзей, уже читал свой любимый сонет Шекспира:

– *Любовь – не кукла жалкая в руках*

У времени, стирающего розы

На пламенных устах и на щеках,

И не страшны ей времени угрозы.

Чуть задержав дыхание и сделав паузу, я перешел к заключительному двустушию, «сонетному ключу»:

– *А если я не прав, и лжет мой стих,*

То нет любви – и нет стихов моих!

Старички притихли.

– Слышь, не страшны ей времени угрозы... – сухонькая старушка в пуховой душегрейке выразительно кивнула полковнику, – А ты все: песок, песок.

Кузьмич серьезно глянул на меня:

– Сень, это ты здорово сказал.

– Это Шекспир, – улыбнулся я.

– Да-а, кажись, он в жизни разбирается, хоть и еврей, – подал голос дедуля с шапкой седых кудрей и слуховым аппаратом.

– Он англичанин, – поправил дедулю я.

– Умер уже?

– Да, в 1616-м.

– Ни хрена себе, а будто вчера написано! – вмешался Кузьмич. – Давай, Сень, жги еще своего Шекспира!

Я читал Шекспира, Каммингса «Я несу твоё сердце», потом Бернса, Йейтса, Байрона. И даже немца Шиллера, что уж совсем не соответствовало тематике праздника. Начав читать его строки, я запнулся, глядя на орденские планки Ваню. Но поймал в его глазах не упрек, а лишь наслаждение красотой строк — и продолжил.

Остановился лишь когда Ариша подошла ко мне, дернула за рукав и сказала:

– Ну вы даете, Арсений Сергеевич! Никогда бы не подумала...

– Ариш, я...

– Там Зоя требует сворачиваться, скоро у них обед. Давайте, ребята хоть станцуют – зря, что ль, они костюмы через полгорода перли?

Близнецы станцевали вальс, плавно скользя по выптербленному паркету. Алиса изящно наклоняла влево аккуратную головку с блестящим пучком, а Алексей кружил ее, элегантно заложив руку за спину. Публика хлопала, а Кузьмич вновь оживился:

– Ну, держись, Никитична! Как давление спадет, буду ее так же волчком крутить. Раз мудрые люди сказали, что песок любви не помеха...

Я некрасиво хрюкнул, пытаясь сдержать смех, и поблагодарил за внимание.

Зоя Михайловна ждала меня в дверях:

– Арсений, – томным контральто пропела она, – борщек сегодня у нас наваристый, с мозговой косточкой. Пойдем ко мне в кабинет, покормлю тебя. У меня и наливочка есть, из облепихи, с собственного огорода.

Я отпрянул, чувствуя, как краска заливает лицо.

– Да я не голоден...

– Голубчик мой, Сенечка, – она расстегнула верхнюю пуговку на блузке, явив свою могучую грудь во всей красе, – ты такой сладкий, когда этого своего Шпилера читаешь.

Я поморщился. А Зоя вновь затянула:

— И такой худенький! А я такие пирожки пеку, с ливером и с картошкой... А еще ты вон в старенькой курточке приехал, а у меня полон гардероб мужской одежды - от мужа-покойника осталось. Еще когда разводились – ничего ему не отдала, как знала, что пригодится. Мы ж с тобой созданы друг для друга...

Я уже безуспешно искал, куда спрятать взгляд, когда в дверь постучали. Стук прозвучал неожиданно громко, и я вздрогнул всем телом.

– Ну, что еще? – рявкнула Зоя.

– Там это, ну... – услышал я заикающийся голос из-за двери, – Кузьмина из пятой палаты умерла.

– Опять! – взревела Зоя, а потом за секунду будто сдулась, и вместо резкости вдруг проступила усталость. – Ну никакой личной жизни с этим контингентом!

У меня забилося сердце, я сразу подумал про Никитичну, полковничью любовь. Побежал за медсестрой. Но нет, скончалась совсем старенькая бабушка, которую раньше я и не видел никогда.

Воспользовавшись суматохой, я отправил студентов по домам. А сам остался: вдруг понадобится помощь. Ко мне подошел Кузьмич, поманил за собой:

– Сень, пойдем Никитичну навестим! Она там лежит скучает.

Мы пошли по темному коридору, пахнущему плесенью. Старушка, бледная и грустная, полусидела, опираясь на подушку. Увидев нас, она улыбнулась, и ее доброе лицо, покрытое густой сеточкой морщин, засияло.

– Мальчики мои пришли! А я не причесана... Коль, зеркало дай!

– Никитична, ты чего всполошилась-то? Чай, знаешь, что краше тебя на всем свете не найдешь, а все кокетничаешь! – Кузьмич нежно заправил подруге за ухо белоснежную прядь, выбившуюся из пучка.

– Ну, скажешь тоже! – смутилась она, потупив глаза, как девушка на выданье.

– Как вы? – спросил я, не зная, как обратиться к пожилой женщине, которую язык не поворачивался назвать бабушкой.

– Да уже хорошо, погода просто. А как вас увидела – так и вовсе... Коль, – обратилась она к полковнику, – достань книгу из тумбочки!

– Эту? – Кузьмич помахал томиком в зеленой обложке.

– Да, – тихонько ответила женщина и бережно взяла книгу, – это тебе, Сень.

Я взял томик. Это был сборник стихов Окуджавы. Я полистал его и увидел на форзаце автограф.

– Да, – кивнула Никитична, увидев мое удивление, – подписал он мне ее, Сень! После камерного концерта к нему подошла, а он...

– Это просто сокровище! – почтительно произнес я.

– Сень, возьми себе. Помру, выбросят ведь, а ты, сынок, сохранишь и деткам своим читать будешь.

У меня на глаза навернулись слезы.

– Но... – только и мог произнести я.

– Бери, – решительно произнес полковник, – а то обидится!

Я потянулся к своей сумке.

– А это вам, – робко протянул я подарок, – мои любимые стихи!

– Сень, да как же это? Ты самая «Аннабель Ли» теперь моя? — прижала она томик к груди.

– Берите и будьте здоровы, пожалуйста, очень-очень прошу!

– Мы постараемся, сынок, – пробасил полковник и смахнул слезу. А потом вызвался проводить меня до дверей обители скорби.

– Книжку про Аньку-то, поди, для Маруськи вез? – подмигнул мне пронизательный дедок.

– Она сегодня не работает?

– Да она и не работала здесь никогда, – вздохнул он, – просто помогать приходила, никакой работы не чуралась. Зоя сначала ее прогоняла, но потом Маруська вроде денег ей сунула... Представляешь, работала здесь за так, да еще и... Эх! – махнул он в сердцах рукой.

– А сейчас?

– Давно уж не приходила. Такое и раньше случалось: то каждый день бегают, щебечет, как птичка, а то вдруг загрустит, слезу пустит и пропадает на месяц. Загадка, а не девка! Все по ней скучают. Вижу и тебя пробрало!

Он был прав. Я скучал по светлому ангелу с ямочками на щеках и хотел разгадать загадку. Но как?

– А где ее можно найти?

– Откуда ж я знаю, – вздохнул полковник, – только вот понимаешь, Сень, если твоя она, то судьба тебя еще с ней сведет. У нее, у судьбы-то, все ходы записаны...

Я обнял старика, а он, расчувствовавшись, похлопал меня по спине:

– Иди, милоч, семья, небось, тебя уж заждалась! Полвоскресенья с нами проторчал. Есть семья-то: жена, детки?

– Не-е, – протянул я.

– Ну, тогда Маруську точно еще повстречаешь... Чего ж, один живешь-то? – любопытствовал он.

– Нет, с бабушкой и с дедушкой.

– Так у тебя свой собственный дом престарелых? – усмехнулся он.

– Если б мои это услышали, дед меня бы точно без сладкого оставил. Правда, бабуля бы заступилась, и самое вкусненькое – на мою тарелку...

– Хорошего они внука воспитали, даже завидую! – протянул Кузьмич, и мы помахали друг другу на прощание.

Глава 3

Глава 3

О доме, где пахнет блинами

Трек: Б. Окуджава «Молитва»

Дома было тепло и уютно. Пахло хлоркой – моя бабуля была настоящей блюстительницей чистоты – и жареной картошкой. Меня, конечно, ждали. Накормили, напоили, расспросили о благородной миссии и отправили отдыхать.

В голодные девяностые мы жили втроем — я, бабушка и дед — и не жаловались. Жили в частном доме, который дед построил полностью своими руками. Кормились огородом: выращивали все подряд — от привычной картошки до экзотических в то время баклажанов. Пенсию, хоть и крошечную, приносили регулярно. А вот зарплату на машиностроительном заводе, которому дедуля посвятил всю жизнь, задерживали месяцами. Сейчас, уйдя с работы, дед лишь горько вздыхал и сетовал на творящееся кругом безобразие.

Я работал, зарплату, опять же копеечную, в нашем институте платили исправно. Бабуля из самых простых и дешевых продуктов готовила так вкусно, что позавидовал бы любой шеф-повар.

Я гордился моими дорогими бабушкой и дедушкой, они – мной.

Вечерком вышли в сад. Он у нас был образцово-показательный: нам – на радость, на зависть соседям. Дед полил грядку с зеленью и взялся за редиску, что под пленкой уже дала дружные всходы. Бабушка рыхлила недавно показавшиеся из-под земли ирисы, которые росли под окнами. Картошку вчера уже посадили, надо было вскопать грядочку под свеклу. Я взял лопату, бабушка привычно запричитала:

– Сядь, Сень, ты ж сегодня с работы, на неделе вскопаешь!

– Ба, да ты ж знаешь, мне нетрудно! — махнул я рукой.

Действительно, сначала я занимался садом-огородом из соображений «кто, если не я». Ведь моим бабуле и дедушке было за семьдесят, если б не моя помощь – копали бы только они. Но потом, как ни странно, я втянулся и даже получал удовольствие – тело отдыхало на свежем воздухе, а душа радовалась красоте, к которой я сам был причастен.

Темнело. В прозрачном весеннем воздухе носились вертолетики майских жуков, неуклюже врезаясь в забор и стучаясь о стекла дома. Пахло дымком от костра и чуть-чуть черемухой, которая цвела у соседки Людмилы. Вдали, впервые в этом сезоне пробуя чистоту голоса, запел одинокий соловей. Да так звонко, что я замер с лопатой, прислушиваясь к его концерту. Наш рыжий кот Байрон охотился на кого-то в кустах. Мой деятельный дедушка пошел к соседке за куриным навозом – удобрять летом огурцы.

Бабушка позвала меня на лавочку – посидеть перед чаем. Я так любил эти моменты и так боялся думать, что всему приходит конец. А наш тихий рай из хрусталя настолько хрупок, что может рухнуть в любой момент. У бабушки – больные суставы, у деда – давление скачет и почки. Да и возраст! «Остановись, мгновение», – так и хотелось мне шептать, как заклинание.

– Сень, ты руки-то с мочалкой отмой, как на работу завтра пойдешь? – прервала мои размышления бабушка.

Это было труднее всего – с утра облачаться в рубашку и костюм, приглаживать выгоревшие на солнце вихры, приводить в порядок обветренное лицо, оттирать въевшуюся в трещинки на пальцах грязь – и идти к студентам. Почему нельзя быть, как профессор из Мичиганского университета, на лекции которого меня, как самого молодого и неплохо владеющего языком, отправили как-то в Москву на международную конференцию? Он, шестидесятилетний солидный преподаватель с многочисленными регалиями, представился тогда просто «Шон». Сел прямо на стол, смешно болтая в воздухе ногами в ярко-красных кроссовках. А одет был в

потертые джинсы и выдавшую виды футболку с надписью «Forever young». Я не столько слушал его, сколько восхищался свободой и раскованностью лектора. Жаль, мне стать таким не суждено. А если я приду в джинсах и футболке на лекцию, Нинель обдаст ледяным презрением в сочетании с удушливым ароматом и пошлет переодеваться, как первоклассника.

– Ладно, ты давай в душ, а я чайник поставлю, – голос бабули вернул меня в реальность, – вон дед пришел, сейчас чай пить будем.

Я ежился и фыркал под бодряще-холодными струями воды в летнем душе. Его тоже построил и оборудовал дед, а я только покрасил потом. При всем желании до такого мастера с золотыми руками мне было не дотянуться, я мог быть только на подхвате.

В доме пахло блинами – бабушка уже успела напечь целую горку.

– Идите, – пригласила она нас к столу.

Мы пили чай с чабрецом и липой, которые бабушка сушила летом. Было так спокойно и уютно.

– Сень, у тебя там книжка в столе, – от бабушкиного внимания скрыть что-то было невозможно, – девушка подарила?

– Вечно ты нос свой суешь, куда не просят, – привычно проворчал дед.

– Чей-то куда не просят, это мой единственный внук! – заняла оборону бабуля.

Эти двое, прожившие вместе пятьдесят лет, ни минуты не могли друг без друга. Но иногда так ссорились и обижались, что искры летели.

– Ба, ну какая девушка? – попробовал я сгладить углы.

Но дед опять вмешался:

– Окуджаву-то сейчас только один наш Сенька знает...

Да, разведка работает исправно, книжку мои родные рассмотрели со всех сторон.

– Почему? – возмутилась бабушка, – я знаю! Про виноградную косточку и про часовых любви...

– Ну, ты-то да, девушка культурная, – хмыкнул дед, и бабушка снова обиделась, демонстративно отвернувшись от нас.

Надо было спасать ситуацию.

– Девушка, подарившая книгу, постарше тебя, баб!

– Нинель, что ли, ваша? — оживилась она.

– Во дает! Нинель, что ж, старше тебя, молодухи? – деду явно не жилось спокойно.

– Не, бабуль, не Нинель, это из дома престарелых...

– Эх, а я думала девушка! Мечтаю дожить до правнуков, но у этих интеллигентов вечно горе от ума! – кивнула она на нас с дедом.

– Отстань ты от парня, он на мать насмотрелся, знает, что от баб одна морока! — дед хмыкнул и отвернулся к окну.

– А ты чего ж женился? – возмутилась бабушка.

– Дурак был...

Я замер в ожидании крепкого словца от бабули, но она лишь поджала губы и переключилась на меня:

– Ты, Сень, не думай, все мы разные. И тебя я учить не хочу. Просто помрем вот, на кого тебя оставим?

– Баб, живите! – взмолился я.

– Да я умирать не собираюсь! Что мне, плохо живется, что ли?

На этом и порешили. Убрали со стола и пошли спать.

Бабушка перед сном зашла в мою спальню, села на краешек кровати:

– Ты, Сень, на мать-то свою не смотри, не все такие мотыльки, как она. Есть хорошие девчонки, вон у Веры Васильевны внучка...

– Ба, да я и не думаю, придет время – все будет.

– Вот и правильно, – бабуля поцеловала меня в лоб и пожелала спокойной ночи.

Что до моей матери, я не особенно-то о ней думал, и, честно говоря, вообще вспоминал крайне редко. Она черноглазая красавица, похожая на Софи Лорен. И хобби у нее интересное – выходить замуж. Совсем молоденькой вышла за моего отца-курсанта, прожила с ним всего год. Но еще до моего рождения и его отъезда по распределению в Хабаровск с ним развелась. Потом у нее был наш сосед сантехник дядя Паша, затем Виктор Петрович, главный инженер машиностроительного завода. В восьмидесятом году она познакомилась с марокканцем Хишамом, вышла за него и уехала в Танжер. Там мама пришлась не ко двору, не прижилась в мусульманской семье и скоро вернулась домой. А уже через месяц переехала к академику Борисову в Москву. Из Москвы быстро вернулась, и вновь завертелось. С кем она сейчас, ни я, ни мои бабушка и дедушка не знали.

Бабушка не верит, но я помню ее визит на Новый год, когда мне было три года. Она тогда пришла – красивая, громкая, в пушистой белой шубке, в которую хотелось уткнуться носом. Холодная с мороза. От нее пахло чем-то сладким, и я расчихался от ее духов. А она весело смеялась, сверкая белоснежными зубами. В полночь она повела меня на площадь смотреть салют, а я, испугавшись громких звуков и вспышек, расплакался. Мне хотелось домой и спать. Она привезла с собой из Москвы мандаринов с черными наклейками, вкусные и душистые. Наутро я, правда, весь покрылся от них аллергической сыпью и еще две недели чесался. Вот такая у меня мама-салют – волшебно, но хочется закрыть уши и спрятаться, любуясь издали. Яркая, шумная и красивая, но жить в ее ритме невозможно.

Помню, был еще случай. Она приехала из Марокко, а я тогда учился в начальной школе. Она, ослепительно прекрасная, яркая и сладко пахнущая арабскими благовониями, стояла у школы и встречала меня. А я ее не узнал и прошел мимо.

Самое ужасное, что и она меня не узнала тоже. И я пошел домой один.

Она жила в одном с нами городе, но не навещала и не интересовалась. Почему? Она не ссорилась с нами, может, даже по-своему любила. Но то, что родителям нужна забота, любовь и доброе слово, ей в голову не приходило. И со мной она не общалась, потому что даже не осознавала, что мне это действительно нужно. Просто изредка вспоминала, наверное, что, кажется, где-то у нее есть родители и сын. На этом все. Когда-то я страдал из-за ее отсутствия в моей жизни. Сейчас – все перегорело. У меня есть о ком беспокоиться. А она – все так же порхает, вызывая уже не умиление, а недоумение, в свои почти пятьдесят.

Перед сном я полистал Окуджаву. Наслаждался его душевностью и простотой, искренностью и какой-то особенной музыкальностью. Так и представлялся его хриловатый голос, высокий лоб с залысинами, усы и очки.

А потом до утра во сне видел ту девочку, от которой улетел шарик... Прямо как от меня моя Маруся...

Глава 4

Глава 4

О Гамлете, раненом Байроне и приюте для животных

Трек: Сплин «Мое сердце»

С утра у меня были семинары на первом курсе. Я вошел в аудиторию и мысленно настроился: сегодня будем разбирать «Гамлета», искать в нем стилистические ходы и скрытые смыслы. Но студентки встретили меня подозрительным шумом.

– Арсений Сергеевич, вы такой... – начала староста Лариса.

Я напрягся. С девчонками всегда нужно было держать ухо востро. Однажды анализировали «Укрощение строптивой» — так первокурсницы обвинили Шекспира (и меня вместе с ним) в обесценивании личности женщины.

— Разве это не оправдание насилия? — выкрикнула тогда одна из девчонок, и студентки тут же разделились на два лагеря.

А уж какие дебаты вызвал финальный монолог Катарины, там, где:

«Умерьте гнев! Что толку в спеси вздорной?

К ногам мужей склонитесь вы покорно;

И пусть супруг мой скажет только слово,

Свой долг пред ним я выполнить готова».

А я еще имел неосторожность высказать мнение о том, что во времена Шекспира такое отношение к женщине считалось вполне нормальным.

И вот теперь девчонки дома читали «Гамлета». Что их так поразило? Жестокость к Офелии? Мизогиния - «о, женщины, вам имя вероломство»? Мстительность Гамлета и его легкомысленное отношение к чужим жизням?

– Лариса, вы не могли бы уже сформулировать вашу мысль и позволить мне перейти к плану семинара? – со всей строгостью отчеканил я.

– Арсений Сергеевич, даже Лешка, мой парень, – тут она гордо обвела чуть высокомерным взглядом притихших девчонок, – он теперь согласился со мной, что вы самый крутой препод на филфаке. А раньше спорил!

Я на секунду потерял нить. Какой еще Лешка? Откуда такие выводы?

– Парень? – пролепетал я.

– Ну да, второкурсник, бальник, который вчера с вами в богадельню ездил – вальс они там с Алиской танцевали.

Все встало на свои места. Кажется, после вчерашнего бенефиса я проснулся знаменитым. Ведь если Лешка, Ларисин парень, сказал...

– Лешка сказал, что вы так читали вчера стихи, что даже у него пару раз дух перехватывало. А он не какая-то там слезливая девица, да и стихи – это, честно говоря, не его, – она повела округлым плечиком. – Особенно, говорит, ваш Сенечка отжигал, когда про любовь декламировал. Ой, простите! – покраснела девушка, осознав свою оговорку.

Потом собралась с духом и продолжила:

– Лешка сказал, про красавицу, которая босиком по мостовой шла – в самое сердце. И еще про оленя. Почитайте нам, Арсений Сергеевич!

– Лариса, Алексей-то у нас, оказывается, поклонник Бернса! Похвально!

И я почитал девчонкам того Бернса, который для меня – в самое сердце. «Босую девчонку», «В горах мое сердце», «В полях, под снегом и дождем» ... Рассказал девчонкам про простоту и естественность великого шотландца, про его искренность и бунтарский дух. Очнулся, только когда голос совести, Ариша, сказала:

– Арсений Сергеевич, а как же «Гамлет»?

Пришлось извиняться и в спешном порядке переключаться на Шекспира.

Время семинара закончилось, была большая перемена, а мы все обсуждали принца Датского, его коварного дядю, Офелию, Гертруду. Даже «Короля Льва», который только недавно увидели в России. Студенты спорили, похож ли Шрам на Клавдия, а Симба – на Гамлета.

– Спасибо, Арсений Сергеевич», – сказала мне в конце семинара Вероника, крупная девушка со светлыми кудряшками, – я на филфак поступила только потому, что здесь проходной балл поменьше... А тут, оказывается, вот – любовь, месть, бунт! Обязательно прочитаю этого вашего «Гамлета»!

– Вероника, а разве вы еще не...? – попытался возмутиться я.

– Не, я читать не люблю! – резковато ответила она и, подхватив сумку, выплыла из аудитории.

Я остался стоять у кафедры, глядя на закрывающуюся дверь. Ее слова были для меня шоком. Как признание, что она не любит дышать или пить воду, например. Как можно не любить читать, я не понимал.

Я вспомнил, как читал в кровати по ночам с фонариком, прячась от бабушки под одеялом. Как глотал страницы на уроках в школе и на переменах. И даже за завтраком, рискуя схлопотать от бабушки нагоняй. Перед глазами всплыла старая яблоня в саду и дедушка на лавке под ней. Он был моим первым настоящим филологом, хотя в дипломе у него значился всего лишь машиностроительный техникум. Вместо «Теремка» и «Курочки Рябы» он рассказывал мне, затаившему дыхание малышу, про ледяное безмолвие Джека Лондона и про суровую честь Маттео Фальконе.

В нашем книжном шкафу, пахнущем старой бумагой и приключениями, теснилось все: от Дюма и Сабатини до Беляева и Стругацких. Я по десять раз перечитывал любимые романы, мысленно примеряя на себя шпаги и скафандры.

Мои бабушка и дед, конечно, очень хотели, чтобы я получил высшее образование, хотя дедушка и без диплома казался мне умнее любого академика. Он знал все: как устроена проводка, почему олени сбрасывают рога и в чем не правы современные политики. Его язвительный ум, правда, иногда оставлял бабушку в растерянности, но она умела отстоять свою точку зрения и поставить деда-интеллектуала на место.

Я выбрал филфак именно из-за того волшебного мира, в который погружала меня литература. Он был чище и правдивее реального. Он был сложным и простым одновременно.

Глядя на пустые парты, я задумался о парадоксе Вероники, будущего филолога, который не любит читать. И о вечном «Гамлете», который у каждого свой.

А проводить семинары явно надо было иначе.

Тщательно выверенный план, детальный анализ и сухие лексические разборы с того дня ушли на второй план. Теперь моей главной целью было заразить девчонок своей литературной одержимостью, разбудить в них читательский азарт. Мы превращали аудиторию в подмостки, спорили об альтернативных финалах, а я, как в дешевых сериалах, обрывал рассказ на самом интересном месте, заставляя их тянуться к первоисточнику.

Давало ли это плоды? Трудно сказать. Но посещаемость в конце учебного года стала почти стопроцентной. А Нинель Аркадьевна время от времени стояла под дверью, ища подвох, но в конце дня одобрительно мне кивала.

Так и прошел семестр. Наступил июнь. За окнами зашумело лето, запахло пыльной жарой и сессией. А в моей личной жизни не было никаких перемен: по ночам я все так же вызывал в памяти Марусю, ее задорный смех, ямочки и пушистую русую косу.

А встретились мы с моим чудом во второй раз совершенно неожиданно – благодаря Байрону. Нет, не Джорджу Гордону, а нашему рыжему коту.

Пушистый лорд в полной мере оправдывал свое аристократическое имя: презирал устои, игнорировал запреты и питал страсть к дальним странствиям и противоположному полу. Природа не наделила его богатырским здоровьем и мощным телосложением, однако рыжий прохвост регулярно ввязывался в драки и отстаивал свою честь. В этот раз драка закончилась плачевно: рана в боку воспалилась, превратившись в абсцесс.

Пришлось собираться к ветеринару. Бабушка приготовила корзинку (о переносках в девяностые мы не слышали) и заботливо застелила мягким полотенцем. Я позвонил в такси. Кот, почуяв неладное, направился к двери и был крайне удивлен, что хозяева так грубо попирают его свободу. В корзинке он сидеть категорически отказывался. Пришлось запихнуть его силой и пресекать попытки бегства. Всю дорогу в такси кот громко проклинал свою долю, пытался пустить в ход зубы и когти.

Успокоился бунтарь только в клинике, завороченно глядя на притихшую маленькую дворняжку в углу. Грязную, покрытую репьями собаку с окровавленной лапой принимала к себе моя Маруся.

– Потерпи, малыш, сейчас, чуть-чуть еще, – шептала она, прижимаясь губами к грязно-серой шерсти между грустно повисшими ушами собаки. Сама Маруся выглядела под стать питомцу – с пятнами грязи на светлых, явно недешевых джинсах, с расцарапанными руками и растрепанной прической. И косы с пушистым кончиком не было – вместо нее короткие вихры русых волос в разные стороны. На меня Маруся мельком взглянула, но явно не узнала. Да и я ее с трудом узнавал – она похудела, скулы заострились, ямочек на щеках сейчас было не видно. Может, сестра-близнец?

Я с драгоценным пленником корзинки сел на дерматиновый диванчик рядом с дворняжкой и ее хозяйкой. И тут непостоянный ангел из моих снов обратился ко мне:

– Ну, что за милый испуганный рыжик! – слова, оказывается, были адресованы не мне, а Байрону. Уже начинать ревновать?

Пушистый лорд, которого впервые в жизни фамильярно называли рыжиком, недовольно зажмурился и спрятал розовый нос в мягкое полотенце, пахнущее домом. Девушка (Маруся или все-таки нет?) протянула руку, чтобы погладить вредину. Кот, абсолютно обалдевший от такой бесцеремонности, издал задущенный мявк и одним гибким движением перелез мне на колени. Всем видом он показывал свое презрение к этой перешедшей границы приличия девушке, ее жалкой собачонке, неприятному запаху лекарств и животного страха. Ему явно хотелось домой, под любимый куст можжевельника с синими ягодами, где так удобно прятаться, когда ловишь глупых синиц. К миске со свежим молоком, к коробке, застеленной газетами, к шершавым дедушкиным рукам, которые ласково гладят, перебирая густую шерсть. Вроде и прошло уже все, бок явно получше! Он уставился на меня, всем видом красноречиво заявляя, что вести его сюда было фатальной ошибкой с моей стороны.

– Да он у вас с характером! – восхищенно покачала головой девушка. – А хозяину как доверяет, умный!

– Да уж, – я смутился и не знал, что говорить.

– Я, кстати, Маруся! – она улыбнулась, показав ямочки на щеках, и я окончательно убедился: это она. – А вы?

– Байрон и Арсений.

– Ого! И кто есть кто?

Благородный лорд поднял хмурый взгляд, искренне изумляясь человеческой тупости.

В это время из кабинета вышла хрупкая женщина с огромным ротвейлером. Байрон замер, сделав вид, что он – часть интерьера, дворняжка тихонько заскулила, Маруся мгновенно поднялась, заслонив питомца собой.

Вслед за женщиной вышел ветеринар и приветственно кивнул нашей странной компании:

– Марусь, опять ты? Кто это у тебя сегодня?

– Да вот, Алексей Борисович, на моих глазах машина пса сбила и уехала. Уроды какие-то! – в ее голосе прорезалась неожиданная сталь.

– Опять за свои деньги лечить будешь?

– Ну вы же знаете! – она горько усмехнулась, пригладив растрепанные вихры волос.

– Молодой человек, – это уже мне, – тогда сначала пса посмотрим, а потом вашим серьезным парнем займемся!

Я кивнул, а Байрон, польщенный тем, что его наконец-то оценили по достоинству, гордо насторожил уши. Звание «серьезного парня» ему явно пришлось по вкусу больше фамильярного «рыжика».

Маруся с дворняжкой зашли в кабинет, а минут через десять пригласили и нас. В кабинете Байрон растерял всю свою воинственность и прижался ко мне, обнимая лапами за шею. Я успокаивал его, шепча в теплое войлочное ушко:

– Я с тобой, солнышко, не бойся!

Ветеринар с улыбкой взглянул на нас:

– Ну, давайте, мужики, смелей! Вместе справимся.

Мой серьезный парень был близок к обмороку, когда доктор проводил осмотр. А когда абсцесс пришлось вскрывать, уткнулся мне в руку и сдавленно заныл. При этом он ни разу не пустил в ход когти, за что заслужил скупое, но весомое «Храбрец» от Алексея Борисовича.

Я осторожно взял моего забинтованного героя на руки и впервые обвел взглядом кабинет: дворняжка лежала под капельницей, Маруся держала ее за тощую лапку.

Медсестра уже писала нам рекомендации по дальнейшему лечению. Оставалось только оплатить – и домой, к можжевельнику, о котором так мечтал Байрон. Но Маруся, которая меня даже не вспомнила... Что делать? Как подойти? Назначить свидание прямо здесь, в клинике, пока она в отчаянии смотрит на несчастную собаку, чьи дела явно серьезнее, чем у моего уже взбодрившегося лорда? Надо было срочно действовать, иначе я вновь ее потеряю...

А я, проклиная себя за трусость, все не решался.

Но тут вдруг Маруся подняла на меня свои невозможные глаза с длинными светлыми ресницами:

– А вы хороший, – я замер, боясь спугнуть момент. – Кот вон как вам доверяет. Видно, что зверей любите. Мы на этой неделе открыли приют для животных, приходите! Любая помощь пригодится!

Я мысленно поблагодарил Байрона, несчастного песика и само мироздание за счастливое стечение обстоятельств. Я увижу ее снова. Мы будем работать вместе, а совместная работа, как известно, сближает!

В ту ночь я впервые за долгое время спал спокойно. Байрон, на правах главного мученика и героя дня, спал у меня под боком и уютно тарахтел, свернувшись теплым рыжим клубком.

Глава 5

Глава 5

О Фаусте, Петровиче и о том, что важнее красивых сюжетов

Трек: Звуки Му «Серый голубь»

В пятницу после работы я отправился в приют, адрес которого Маруся нацарапала неровным, спешащим почерком на рекламном буклете собачьего корма. Дорогу я нашел с трудом – путь был неблизкий, и проделал я его, грезя о желанной встрече.

Я рисовал в воображении красивые сюжеты: как наконец-то проявляю инициативу, становлюсь для Маруси надежной опорой и заслоняю свое чудо с добрым сердцем от всех невзгод жестокого мира. В мечтах это выглядело как минимум героически, в духе рыцарских романов Вальтера Скотта.

Реальность оказалась круче любых фантазий.

Сначала я увидел лишь свежеокрашенные в оптимистичный желтый цвет ворота с веселой надписью «Хвост за хвост». Но стоило переступить порог, радость тут же испарилась. Приют только начал работать, и картина была плачевной: в вольерах, часть которых только сбивали из старых досок, теснились собаки всех размеров и мастей. Вокруг царил хаос недо- строя, запах стоял такой, что резало глаза. Я постучал в дощатый домик с претенциозной надписью на двери «Staff only». Дверь со скрипом отворилась. На пороге показался бородатый мужик маргинального вида.

– Че надо? – буркнул он, обдав меня густым амбре дешевого табака.

– Помочь хочу! – резковато ответил я.

– Кому, мне? – издевательски протянул он. – Ну, помоги! За пивком сбегай, а то сушняк с самого утра!

– Вы сами справитесь, а вот собаки...

– О-о, да ты рыцарь на белом коне? Не признал сначала! – усмехнулся он. – А замараться не боишься, герой?

– Не ваше дело! – бросил я. – Показывайте, где инвентарь, почищу вольеры!

– Чего? В дурке день открытых дверей, что ли? Работать? За бесплатно? Ты совсем ку- ку? – недоверчиво прищурился мужик.

– Может, и так. Дадите ведро и лопату?

Он хмыкнул, но открыл подсобку и выдал мне рукавицы, застиранную спецовку, ведро, совок и лопату.

– Вода вон там, – указал он в сторону помятого бака у ворот, – чувствуй себя как дома!

Работы я, с детства помогавший бабуле и деду по хозяйству, не боялся. Да и собака у нас раньше была – огромная овчарка Лада, умная, но хитрющая и избалованная. Как же мы всей семьей рыдали, когда она умерла в весьма преклонном возрасте. Бабушка тогда сказала, что таким ненормальным заводить собаку противопоказано.

Я переоделся и открыл первый вольер. Пахло аммиаком и сырой шерстью. Где-то за перегородкой скулил щенок — тонко, монотонно, будто звал кого-то, кто все не приходил. Большой черный лохматый пес даже не поднялся – только испуганно прижал уши, внимательно следя за мной влажными, будто заплаканными, глазами. Пока я чистил его временное жилище и менял воду, он не шелохнулся, лишь настороженно вздыхал.

Я работал, переходя от клетки к клетке, торопясь закончить до темноты. Я не мог под- вести тех, кто уже столкнулся с предательством, ничем его не заслужив.

– Эй, рыцарь! Ты ночевать здесь собрался? – окликнул меня бородатый, когда сумерки начали стучаться.

– А вы против?

– Не-е, приют круглосуточный, я до утра дежурю. Только ты ж завтра с непривычки не встанешь!

– Нормально! Зато смотри, какая у ребят теперь красота! Давай корма им насыпем, и пусть спят.

– А вот тут неувязочка... – мужик поскреб затылок. – Корм обещали сегодня, но машина так и не пришла.

– И сколько их тут голодных?

– Четырнадцать собак и девять кошек, – ответил бородатый.

– Который час?

– Почти девять! Эй, ты чего? – удивился он, видя, как я на ходу сбрасываю спецовку. – Домой приспичило?

– Нет. На Ленина гастроном до десяти – успею.

– Ты больной, что ли?

– Здоровый!

Я wygrеб из кошелька все до последней монеты и купил десять килограммов собачьего корма и пять – кошачьего. Немного, но на сегодня должно хватить! Обратно шел уже по полутемным улицам, едва передвигая ноги от усталости, но чувствуя странный подъем. А когда черный пес, увидев меня, робко вильнул хвостом, я понял: вот оно, настоящее счастье.

Домой из приюта я шел пешком – автобусы уже не ходили. Естественно, получил нагонный от бабушки. Она не на шутку разволновалась: время было беспокойное, а телефонов под рукой не водилось. Но я был мгновенно прощен, когда рассказал про черного пса с грустными глазами, которого про себя уже окрестил Фаустом.

Утром я едва сполз с кровати. Каждая мышца ныла, напоминая о ведре и лопате. Но в шесть утра, наскоро плотнув кофейку, я уже шел в «Хвост за хвост» – хотел застать бородатого. Он будто ждал – курил перед яркими воротами, выпуская клубы вонючего дыма в утренний туман.

– О, ты никак жив, рыцарь? Че приперся в такую рань? — с усмешкой произнес он.

– У котиков прибраться, и у Фауста ухо порвано, обработать надо. Вот – хлоргексидин принес.

– У Фауста, значит? А ты сам-то, кто по паспорту? Добрый доктор Айболит? Или Ланселот Озерный? — бородатый ухмыльнулся и выдохнул дым прямо мне в лицо.

– Арсений! – протянул я ему руку.

– Петрович! – ответил он неожиданно крепким рукопожатием, – Ладно, Арсений, заходи! Поможешь, а то там у котов крыша течет. Прямо как у тебя...

Вскоре пришел сменщик Петровича, молодой Гоша, крепкий, хмурый и неразговорчивый. Он повозмущался, что устраивался охранником, а не разнорабочим, но все же помог нам подлатать крышу. Потом приехала долгожданная машина с кормом. Мы разгрузили мешки, накормили животных. Я вывел Фауста. Он сначала с подозрением косился на меня, но потом смирился и дал обработать рану. А потом мы с ним немного побегали и поиграли. Я отвел пса в вольер, и он сразу уснул, уставший не столько от нагрузки, сколько от новых впечатлений.

– Эй, рыцарь, домой собираешься? – окликнул меня Петрович. – И я-то, старый дурак, с тобой полдня потерял. У меня, между прочим, рабочий день до восьми! Пошли уже!

Мы вместе переоделись и вышли из приюта. Близился полдень. Солнце входило в самую силу, воздух над шербатым тротуаром сладко густел, обещая жаркий летний день. Мы брели к автобусной остановке, наслаждаясь приятной усталостью.

– Кошатиной от тебя несет, хоть нос зажимай, – усмехнулся Петрович, – а с виду интеллигент!

Я только лениво пожал плечами:

– Да, честно говоря, и вы не розами благоухаете!

Бородач захохотал:

– Да мне-то за котов деньги платят, а ты вот малость чудноват. Неужели так животных любишь?

– Люблю. А еще девушку здесь хотел увидеть, – усталая расслабленность все-таки развязала мне язык, и я решил: спрошу про Марусю.

– Ну, ты нашел место для свидания! — рассмеялся Петрович. — Хотя если она тебя в таком виде не испугается, тогда точно стоящая.

– Стоящая – это точно. Только неуловимая какая-то. Маруся ее зовут, знаете?

– А, вот, значит, как. Не котами единими, как говорится... – задумчиво протянул Петрович. – Только вот что ты о ней знаешь-то?

– Хорошая, отзывчивая и великодушная. Она как... – я задумался, – как мягкий вечерний свет, не слепит, а сглаживает острые углы.

– Красиво говоришь, – Петрович щелкнул зажигалкой и затянулся, будто подбирая слова. – Только сложно с ней.

Он задумался, вспоминая о чем-то. А потом добавил:

— Ее отец, Борис Евгенич, не последний человек в городе, новый русский, как щас любят говорить. Когда-то в армии мы с ним служили, корешами были. А потом пути разошлись: я – в Афган, он – на дембель. Он на гражданке в струю попал, связями и деньгами оброс. Вспомнил Маруськину мамку, которую бросил с младенцем. Решил деньгами вину загладить. Вот с тех пор Маруське во всем и потакает. Сначала ей квартиру купил, потом собственный дом. Потом и вовсе решил меценатом заделаться: помочь дочурке добрые дела делать. Вот приют открыл.

– А приют-то ему зачем? — удивился я.

– Говорю же, Маруська захотела, а он все ее желания исполняет, грехи отмаливает. Хотя, думаю, и его выгода тут есть: может, деньги отмывает. А может, в политику решил податься: очки набирает...

– А Маруся? – перебил его я.

– Девка она хорошая, не спорю. Но чудноватая, совсем как ты. То каждый день в приюте, с бродячими псами чуть ли не целуется, активная, порхает здесь и щебечет. А то – пропадет на неделю – не знаешь, что думать. Будет толк с этого приюта или нет? Сомнения меня берут...

Я задумался. А Петрович, видя мое состояние, продолжил:

– Неплохая она, но запутанная. Но ты парень правильный, разберешься, если захочешь. Только смотри, оно тебе точно надо-то?

– Не знаю пока, но постараюсь разобраться.

– Ну, вот и правильно, — одобрительно кивнул он.

– А вы как в этот приют попали?

– Да, запил я после Афгана-то. Долго квасил: с одной работы поперли, потом и с другой тоже. А тут Борька – Борис Евгенич – место предложил. Сказал: «Пока за дочкой да за приютом посмотришь, а там глянем, что получится». Ну, я согласился, выбирать-то особо не приходится.

– Можно я в приют приходить буду? – робко спросил я у Петровича.

– К Маруське можно и полегче дорогу найти, — вздохнул он.

– Не-е, я полегче не хочу. Да и скучать я теперь буду. По Фаусту, по котикам, и по вам тоже.

– Ага, а еще по ведру с лопатой и мозолям на руках! – хохотнул Петрович. – Блаженный ты, Сеня! Приходи, мы с Фаустом только рады будем.

Мы обменялись рукопожатиями, и я сел в свой автобус.